

Е. НАКАМУРА

«Слово о полку Игореве» в Японии

Еще в начале XIX в. русская литература была известна лишь немногим японцам. В 1813 г. русский капитан В. М. Головин, находившийся в плену в Мацумаэ (Хоккайдо), перед своим возвращением на родину составил для японских переводчиков русскую грамматику, где, в частности, процитировал стихотворные произведения М. В. Ломоносова («Ода, выбранная из Иова...»), Г. Р. Державина («На взятие Измаила»), а также Н. А. Львова, которые, вероятно, он знал наизусть. Грамматика и приведенные в ней стихи русских поэтов были вскоре переведены на японский язык. Это, несомненно, один из первых фактов проникновения европейской литературы в Японию. Но, к сожалению, эти стихотворения не стали известны широкому кругу читателей, потому что первый перевод русской грамматики остался лишь в рукописи.

По существу, японские читатели впервые познакомились с русской литературой в 1883 г., когда появился японский перевод романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (под названием «Рококу кибун, касин тэси року», т. е. «Удивительная история России, роман о влюбленных красавице и молодце»). Вслед за этим, в 1888 г., С. Футабатэй перевел на японский язык рассказы И. С. Тургенева — «Свидание» (из «Записок охотника») и «Три встречи». Общеизвестно, что С. Футабатэй — один из создателей новой японской литературы, превосходный переводчик русских писателей и автор ряда произведений, написанных под непосредственным влиянием русской литературы.

Сейчас русская и советская литература — одна из популярнейших иностранных литератур у японцев.¹

Несмотря на большой интерес японцев к русской литературе, «Слово о полку Игореве» начало привлекать внимание сравнительно поздно.² Это весьма естественно, так как древние произведения труднее понимать и переводить, чем шедевры литературы нового времени. «Слово о полку Игореве» было недоступным для японских читателей до тех пор, пока в 1947 г. не появился его первый перевод на японский язык.

Это не значит, однако, что «Слово» до того времени было совершенно неизвестно: многочисленные работы по истории русской литературы, вы-

¹ Например, крупное японское издательство «Тюокоронся», выпуская «Собрание мировой литературы» в 1963—1967 гг., отвело для произведений русских и советских писателей 11 томов из 54

² Ср: С. Кимура и Е. Накамура Изучение древнерусской литературы в Японии. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 582—586, Е. Накамура Изучение древнерусской литературы в Японии — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 463—466.

шедшие в Японии после 20-х годов XX в., в большинстве своем упоминали этот памятник. Первой среди них была «История русской литературы» К. Оидзуми (А. С. Кокского), изданная в 1922 г. Автор этой книги уделял большое внимание фольклору и литературе древнего периода, посвящает «Слову» более четырех страниц.³ К сожалению, в характеристике «Слова», как и в книге в целом, содержится немало грубых ошибок, так как автор не являлся специалистом-литературоведом. Второй книгой, где упоминалось «Слово», был труд Н. Катаками «Изучение русской литературы», вышедший из печати в 1928 г. Н. Катаками, профессор университета Васэда, изучал русскую литературу в 1915—1918 гг. под руководством проф. П. Н. Сакулина. Его книга была первой серьезной работой на японском языке по русской и советской литературе. Хотя в центре внимания автора была русская литература второй половины XIX в. и современная ему советская литература (20-х годов), он коснулся и «Слова о полку Игореве», высоко оценив художественные достоинства этого памятника древнерусской литературы, отметив, в частности, сочувствие сил природы к героям повествования. По его мнению, прелесть «Слова о полку Игореве» состоит в богатстве поэтического воображения автора, опирающегося на традиции устного народного творчества.⁴

Интересно отметить, что отрывок «Слова» помещен в сборнике статей «Изучение русской культуры», посвященном шестидесятилетию проф. С. Ясуги. Сам С. Ясуги, в своих «Очерках истории русского литературного языка», помещенных в названном сборнике, цитирует в качестве образца русского литературного языка Киевской Руси отрывок из «Слова»: «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предь зорями? ... сваты попоища, а сами полегоша, за землю Русьскую».⁵ С. Ясуги изучал русский язык в Петербурге в 1901—1904 гг., посещая лекции проф. А. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Вернувшись в Японию, он много лет преподавал в Токийском институте иностранных языков. В 1965 г. Ленинградский университет присвоил ему звание заслуженного профессора за его долголетнее преподавание русского языка в Японии.

За последнюю четверть века в Японии было издано свыше десяти разных курсов истории русской литературы. Здесь нет необходимости подробно разбирать, что говорится о «Слове» в каждой из этих работ; можно сказать лишь, что анализ этого памятника становится все более точным и подробным. Это объясняется тем, что после войны японские исследователи стали обращать больше внимания на древнерусскую литературу; в 1947 г., как уже говорилось выше, появился первый перевод «Слова», а затем и ряд специальных работ о нем, чему немало способствовало знакомство японских исследователей с книгами и статьями В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и др. В начале 60-х годов в Киото образовался даже кружок исследователей древнерусской литературы и истории — «Древнерусское общество в Японии», организатором которого был С. Уэно.

Первая специальная статья о «Слове» — «Введение в изучение „Слова о полку Игореве“» — была написана Д. Кубо, профессором Кобэского института иностранных языков. Автор впервые знакомит японского читателя с историей изучения произведения, историческими фактами и летописными записями о походе князя Игоря, основываясь главным образом на «Исто-

³ К. Оидзуми. *Россия бунгаку си*. Токио, Тайсекан, 1922, стр. 125—129.

⁴ Н. Катаками. *Россия бунгаку кэнкю*. Токио, Дайитисебо, 1928, стр. 94—95.

⁵ С. Ясуги. *Россия бунго си гайсэцу*. — В кн.: *Россия бунка но кэнкю*. Токио, Иванами сетэн, 1939, стр. 14—15.

рии древнерусской литературы» Н. К. Гудзия и японском переводе «Слова», сделанном М. Ёнакава.⁶

Почти одновременно с этим вышла из печати большая работа профессора университета Васэда — М. Ёнакава, первого переводчика памятника.⁷ Ее содержание следующее: 1. Открытие текста «Слова» и его подлинность; 2. Поход Игоря; 3. Когда было написано «Слово»; 4—5. Кем оно было написано, 6. Его содержание; 7. Поэтическая композиция и стиль; 8. Отношение к народному творчеству; 9—10. Влияние книжной литературы на «Слово»; 11. Произведения, подражавшие «Слову»; 12. Перевод на современный русский язык.

Статья основывается в значительной степени на «Истории» Н. К. Гудзия и переводе и комментариях «Слова», принадлежащих А. К. Югову. Эта работа имеет большое значение, так как в ней впервые японскому читателю показана вся сложность и глубина проблематики «Слова о полку Игореве», ибо автор ее — один из крупнейших после С. Футабатаэ знатоков и переводчиков русской литературы.

Несколько лет спустя, в 1955 г., появился труд С. Уэно, молодого лектора Киотского университета, — «Древний русский эпос».⁸ Это пока единственная в Японии монография о «Слове». Она состоит из шести глав: 1. Открытие, собиране и изучение устного народного эпоса; 2. Открытие и изучение «Слова о полку Игореве»; 3. Основа и окружение «Слова»; 4. Материалы «Слова» и характер той эпохи; 5. «Слово о полку Игореве» (сто автор, содержание и т. д.); 6. Перевод «Слова» на японский язык.

Книга использует текст и комментарии к «Слову о полку Игореве» в серии «Библиотеки поэта» (1952 г.). Автора особенно интересует вопрос об отношении «Слова» к былинам.

Что видят японцы в «Слове о полку Игореве»? Нет никаких разногласий среди исследователей в оценке «Слова» как самого выдающегося памятника литературы древней Руси. Одни видят его достоинства в близости к замечательному устному творчеству русского народа (С. Уэно в вышеназванной книге, Р. Ясуи в «Словаре мировой литературы»⁹), другие придают большее значение влиянию на «Слово» со стороны византийской литературы (М. Ёнакава в вышеназванной статье, С. Кимура в своей «Истории русской литературы»¹⁰), третьи дорожат идентичностью «Слова» (Т. Курода в своей «Истории русской литературы»,¹¹ Ю. Канэко в своем «Вадемекуме русской литературы»¹²). Между этими мнениями нет непреодолимых противоречий, разница в точках зрения исследователей. Приведем примеры. По поводу удивительного мастерства «Слова о полку Игореве» С. Кимура, профессор Токийского университета, пишет: «Оно имеет сложный характер, включая в себя элементы эпоса, лирики и публицистики... Мастерство автора, который свободно владеет высокохудожественными символическими выражениями, заставляет нас видеть в нем

⁶ Д. Кубо «Игори энсэй моногатари» кэнкю дзесэцу — Кобэ гайдай ронсю Кобэ, т. II, вып. 2, 1951, стр. 21—41.

⁷ М. Ёнакава «Игори гунтан» кэнкю — Сого сэкай бунгэй, т. III, Токио, 1951, стр. 157—182; т. IV, 1952, стр. 122—157.

⁸ С. Уэно, Кодай росия дзедзиси — «Игори энсэй моногатари» то соно сюхэн Токио, Юсиндо, 1955, стр. 263.

⁹ Т. Курода (ред.) Сэкай бунгаку кансе дзэнтэн Росия-совэто хэн Токио, Токиодо, 1962, стр. 23.

¹⁰ С. Кимура (ред.) Росия-собиэто бунгаку Токио, Майнити симбунся, 1961, стр. 13.

¹¹ Т. Курода Росия бунгаку си Изд. 2-е Токио, Согэйся, 1950, стр. 47—48.

¹² Ю. Канэко Росия бунгаку ашпаи Токио, Иванами сетэн, 1961, стр. 51.

скорее поэта современных событий».¹³ Об идейном содержании «Слова» Ю. Канэко, профессор университета Хитоцубаси, пишет так: «Основная идея произведения — прекращение распрей между князьями, политическое и культурное объединение русского народа, защита мирного труда народных масс ... она в свою очередь придает произведению лиризм, какого почти не встречается в средневековом эпосе других народов мира».¹⁴ Высказывания этих двух ученых весьма типичны для характеристики понимания и оценки «Слова о полку Игоре» в Японии.

В японской литературе средних веков нет произведения, подобного «Слову о полку Игоре». Существенно различны литературные традиции и исторические условия обоих народов. Но это несколько не мешает японскому читателю понимать и любить «жемчужину древнерусской поэзии».

Две задачи стоят перед японскими исследователями «Слова о полку Игоре». Во-первых, передать соотечественникам красоту и значение «Слова» в возможно более совершенной форме; во-вторых, попытаться осмыслить красоту и значение «Слова» с точки зрения специфики японских историко-культурных традиций. Возможно, японская наука и культура внесут свой скромный вклад в изучение «Слова о полку Игоре» в частности и древнерусской литературы вообще.

— — —

¹³ С. Кимурэ. Россия-советы бунгаку си. Токио. Тюокоронся, 1958, стр. 14

¹⁴ Ю. Канэко. Россия бунгаку аншан, стр. 51—52